

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И САМОПОЗНАНИЯ

А.Ф. Киселев, А.В. Лубков

Аннотация. *Что означает понятие «цивилизация» и каковы ее особенности? В чем специфика русской цивилизации? На эти вопросы до сих пор однозначного ответа нет. Проблемы, связанные с понятием «цивилизация», не только не теряют своей остроты, но только актуализируются, поэтому авторы сосредоточили внимание на анализе особенностей становления и развития русской цивилизации и осмыслении ее национально-культурного кода, обращаясь к наследию отечественной истории и культуры.*

Ключевые слова: *цивилизация, государственность, общность, самоидентификация, Родина, Отечество, раскол, непрерывность, дискретность, культура, религия, история.*

Для цитирования: *Киселев А.Ф., Лубков А.В. Русская цивилизация: особенности становления и самопознания // Преподаватель XXI век. 2024. № 2. Часть 2. С. 269–287. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-269-287*

RUSSIAN CIVILISATION: Features of the Formation and Self-Discovery

A.F. Kiselev, A.V. Lubkov

Abstract. *What does the concept of “civilization” mean and what are its characteristics? What are the specifics of Russian civilization? These questions still do not have a definite answer. The problems associated with the concept of “civilization”, have not lost their acuteness, but are only becoming more relevant, so the authors focused on the analysis of the peculiarities of the formation and development of Russian civilization and comprehension of its national-cultural code, referring to the heritage of national history and culture.*

Keywords: *civilization, statehood, community, self-identification, Motherland, Fatherland, split, continuity, discreteness, culture, religion, history.*

Cite as: *Kiselev A.F., Lubkov A.V. Russian Civilisation: Features of the Formation and Self-Discovery. Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education, 2024, No. 2, part 2, pp. 269–287. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-269-287*

© Киселев А.Ф., Лубков А.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

В гуманитарных науках нет четкого, устоявшегося и единого понятия «цивилизация». Разброс мнений широк: от определения цивилизации как исключительного культурно-исторического феномена до утверждений о многомерности, разнохарактерности, несовместимости различных критериев оценки уровня цивилизационного развития. Восходящее к латинским корням “civilis”, что означает гражданский, государственный, слово “civilization” в эпоху Просвещения приобрело оттенок «цивилизованный(-ое)» в противопоставлении к «варварскому» устройству колониальных стран и означало, в первую очередь, общество справедливое и разумное.

В дальнейшем характеристики понятия «цивилизация» расширились. В числе стержневых оснований становления и развития цивилизаций выделяют экономику, государственность, религию, ментальность населения и др. Однако все это стороны исторического развития любого народа, но далеко не каждому народу удастся создать собственную цивилизацию. Многозначный термин «цивилизация» и в настоящее время не имеет общепринятой дефиниции. Но в качестве основных признаков цивилизации в большей или меньшей степени фигурируют следующие:

- пространственно-временные признаки,
- общие формы социального взаимодействия,
- культура (самобытность духовных основ),
- религия (специфика ценностных ориентаций),
- институционализованный политический организм (государство).

Поэтому под понятием «цивилизация» мы будем понимать целостную общность, ограниченную во времени и пространстве, имеющую свою специфику: внутреннюю логику политико-экономического и социокультурного развития, механизм цивилизационной саморегуляции, ценностно-символическое единство, что определяет историческую судьбу и формирует национальное самосознание. Таковыми в мировой истории стали Египетская и Индийская цивилизации, Китайская и Хеттская, Арабская и Вавилонская, Античная и Западноевропейская, Кечуанская (культура инков), Русская и множество других цивилизаций. А их, как считают ученые, насчитывается несколько десятков. По мнению нашего соотечественника Н.Я. Данилевского, автора цивилизационного подхода и теории культурно-исторических типов, их 10. О. Шпенглер выделял 43 цивилизации, А. Тойнби — 21 и т. д.

Открытым остается вопрос, что является ядром цивилизации, вокруг которого формируется страна-цивилизация. Здесь, на наш взгляд, ведущую роль играет культурно-исторический код, формирующийся в ходе исторического бытия того или иного народа и воплощающийся в архетипах: в устойчивых чертах, характере, жизненных смыслах, поведении и духовных ценностях человека. Нации и народы разные, разные и их цивилизации, но в основе каждой цивилизации лежит своя национальная идея. У одних она выражает претензию на свою исключительность и мировое господство, по сути означающую проект обезличивания, разобщения и подавления, вырождаясь в различные формы расизма, нацизма и неонацизма. У других национальная идея испокон веков связана с проектом содружества разноплеменных этнических и конфессиональных народностей, воплощенным в долговременном совместном общежитии на основах мира и согласия.

Такой является Россия — страна-цивилизация. «У нас большая, многоликая страна. И в этом многообразии культур, традиций, обычаев — наша сила, огромное конку-

рентное преимущество и потенциал», — подчеркнул В.В. Путин в своем выступлении на XXV Всемирном русском народном собрании 28 ноября 2023 г. «Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры независимо даже от национальной или религиозной принадлежности» [1].

Цивилизация в значительной мере понятие духовное, продиктованное стремлением строить жизнь согласно своим духовным идеалам. Разумеется, одна цивилизация неизбежно будет отличаться от другой, прежде всего, своим ядром, определяющим путь исторического развития. Таким духовным ядром Руси-России является православие — главная идея русской цивилизации, определяющая суть и границы ее самобытности. Именно на фундаменте православия строилась русская, а затем российская цивилизация. Это очевидный и во многом бесспорный факт.

Крещение Руси святым князем Владимиром в X в. вводило Русь в христианскую семью, прежде всего, европейских народов. Однако не прошло и века, как христианство раскололось на католичество и православие. 1054 год — год раскола христианства стал для Руси судьбоносным. Именно тогда начали формироваться духовные ценности и различия в мировоззрении католической Европы и православного Востока, в том числе Руси. Строилась стена, разделявшая Запад и Восток. Началось формирование двух миров — Запада и Востока с разным мировосприятием и духовно-нравственными ценностями.

«Великий раскол» 1054 г. относится не только к духовной истории, но и к культурно-исторической, мировоззренческой и политической. Такой глубокий мыслитель, как Г.П. Федотов, писал, что «русская мысль и сердце были отлиты по восточно-христианской форме». Источником «своеобразия и органичности русской культуры, ее величия и изыянов» стал разрыв официальных отношений с Европой как после 1054 г., так и после монгольского завоевания в 1240 г. [2, с. 24]. По-видимому, корни противоречий и противоборства Руси с Западом находятся в духовной области, в кардинальной разнице и несовместимости мировоззренческих устоев и мировосприятия.

Коренные различия культурно-исторического кода западноевропейской и русской цивилизации определяются разным историческим наследством. Русь-Россия — наследница восточной духовной традиции, которая рельефно воплотилась в Византийской империи. Запад — наследник Римской империи с ее тягой доминирования в мире. Греческая культура созерцательная, основанная на стремлении философско-религиозного осмысления мира. Западно-римская в большей степени прагматичная и рациональная культура, абсолютизирующая право, социальное, общественное и государственное строительство. Западный мир собственно богословие мало интересовало, а Восток, напротив, был в него погружен. Отсюда и формировались разные ценности. На Западе — прагматизм, утилитаризм и рационализм. На Востоке — душа, сердце, нравственное совершенствование человека, восхождение его к высотам духа, созерцание и *обожение* мира.

К VI в. Рим подчинил себе практически все западные церкви, установил жесткую дисциплину, церковную иерархию, поставив во главу угла не духовное окормление верующих, а обряды, правила, догматы и т. д. Римский папа стал своего рода императором, активно включившись в борьбу за светскую власть. Отсюда такое явление как *цезаропатизм* и неприемлемость восточной традиции христианства. Произошел поворот

от духовных традиций к погружению в социальное, мирское и светское, в том числе военное. Формировались военизированные монашеские ордена, воевавшие на различных направлениях. Так, Тевтонский орден практически стер с лица земли пруссов с их самобытной культурой и государственностью. Тевтоны постоянно угрожали западным рубежам Руси. Орден иезуитов стал синонимом и символом цинизма, лжи, двойных стандартов, интриг, заговоров во «славу Иисуса».

Рис. Емельянов Е.Ю. Ледовое побоище. Диорама

Со второй половины XIII в. началась полная конфронтация Руси с латинским миром. Когда Русь захлебывалась кровью в борьбе с монгольским нашествием и спасала от него Европу, католики записали ее во враждебный христианству мир. По отношению к Руси предпринимались те же меры, что и к нехристианам, о чем гласил текст некоторых булл Римского папы [3, с. 134–141]. Так, на столетия стал формироваться образ Руси — враждебной силы — как католицизму, так и в целом миру Запада. От века к веку к этому образу добавляли лишь новые темные краски, и в итоге Запад скатился к оголтелой русофобии, ставшей стержнем идеологии и политики современного западного мира.

Католическая Европа предала не только православную Русь, но и православную Византию, не оказав ей никакой поддержки и помощи в борьбе с мусульманами в лице османов. В результате Константинополь пал в 1453 г., и конкурент католиков в христианском мире был повержен. Причин подобного поведения Запада много, но одна из них — зависть, эта ржавчина, разъедающая душу завистника. Столица Византии не могла оставить никого равнодушным, кто хотя бы раз ее посетил в период расцвета. По словам известного ученого-искусствоведа В.Н. Лазарева, повсюду мечтали о Константинополе: и «среди холодных туманов Норвегии», и «на берегах русских рек, в крепких замках Запада, в банках жадной Венеции» [4, с. 13].

Восхищала изысканность византийской культуры, сила и мощь государственности, единство многонациональной Византии, объединенной идеей православной соборности — этого фундамента православной веры, когда православный христианин ощущает себя членом братской семьи верующих во Христа людей.

Яркий и талантливый представитель русской философии К.Н. Леонтьев увидел истоки самобытности России в ее византийском наследстве. Византизм в государстве означал самодержавие, византизм в религии указывал на христианство с характерными чертами, отличающими его от западных церквей. Византийский нравственный идеал не превозносил личность человека с его земными благами, но, напротив, был склонен «к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь...» [5, с. 19]. Знамя византизма помогло, по мнению Леонтьева, Руси воспрянуть в силе и преодолеть все невзгоды, дать отпор и монголо-татарам, и агрессивным притязаниям западных соседей не только в прошлом или настоящем. Философ как бы заглядывает в будущее и говорит: «Разрушивши у себя все благородное», Европа «осмелилась когда-нибудь и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости!» [там же, с. 35]. Прорицатель...

Русь усвоила византийский опыт международного содружества. Выдающиеся русские умы от Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и славянофилов до С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, М.Н. Каткова, И.А. Ильина и других мыслителей в один голос утверждали, что русская национальная идея — идея всеединства, и Россия должна сказать свое слово в примирении Запада и Востока. У русской цивилизации национальная идея мессианская — преобразовать мир на началах человеческого всеединства. В этом заключается одна из главных особенностей русской цивилизации.

Стать русским означает быть братом всех людей — известная формула Ф.М. Достоевского. Сочувствие русского человека к судьбе «иноземной братии», ее страданиям и достижениям отмечал А.С. Хомяков [6, с. 550]. В.С. Соловьев писал о том, что главная задача любого народа угадать, что думает о нем Бог в вечности [7, с. 188]. Эта тайна раскрывается в непрерывном духовном акте познания своего предназначения в мире, определенного Всевышним. Итогом этого поиска является собственная цивилизация как воплощение духовных исканий и потребностей нации, своеобразно «читающей» историю и определяющей свой, только ей свойственный путь развития.

Смысл бытия русской цивилизации воплощался в совместном социокультурном и политическом общежитии разных этнических и конфессиональных групп, где объединяющим ядром выступали мощная духовная православная идея и наднациональная государственность. Огромную роль в формировании соответствующего самосознания играло восприятие верующими православной церкви как вселенского организма. Православие является материнским лоном и душой русского народа. Особо отметим такое качество его души, как отторжение этнических приоритетов с выдвиганием на первый план православного. Действительно, согласимся, что «глядя на себя, русские люди не мыслят этническими категориями. Они смотрели на себя, во-первых, как на православных христиан, во-вторых, как на подданных русского царя» [8, с. 53]. Корни такого мировосприятия, безусловно, уходят в Византию.

Понимание «русскости» в значении этничности не характерно для древнерусской традиции. Под «русскостью» понималось, прежде всего, православное, это были тождественные понятия. Православное братство вбирало в себя сотни этносов, для которых православная Русь становилась общим и родным домом. Отношение к православию превращалось в главный атрибут этничности, которая как бы растворялась во вселенности православия.

Важнейшей частью византийского наследия была идея «симфонии властей» — единства церкви и государства. Эту идею сформулировал еще в VI в. император Юстиниан I. По Юстиниану, «симфония властей» естественна и органична, т. к. ее ветви имеют единый источник происхождения: дары Всевышнего. Как тело и душа человека едины, так едины церковь и государство: император — тело, патриарх — душа. Согласие между телом и душой — залог цельности человека. Подобное характерно и для государства: оно живет, пока сила питает живительный источник.

Русь унаследовала традицию «симфонии властей», что обеспечивало обществу жизнестойкость, сплачивало дисциплиной и жертвенностью в отстаивании своей суверенности. Не случайно, что защита Отечества воспринималась народом, прежде всего, как защита православной веры, а не только собственно государства.

Итак, русская цивилизация рождалась как духовная сущность, сформировавшая уникальные человеческие архетипы, творившие родную историю и пролагавшие свой собственный путь в мире.

В становлении и развитии русской цивилизации исключительную роль сыграл природно-географический фактор. Об этом писали многие отечественные историки, отдавая дань влиянию, которое на развитие государственности, экономики, социальных отношений, культуры оказывали климатические, природные, географические условия. Среди них масштабной фигурой является патриарх отечественной историографии Сергей Михайлович Соловьев с удивительным даром сочетания титанической научной работы с руководством Московским университетом, где он долгие годы занимал пост ректора.

Уникальная научная концепция истории С.М. Соловьева во многом связана с тем, что он не только изучал жизнь человека во времени, но и в пространстве, связал их воедино и сумел на этой основе раскрыть закономерности и особенности становления российской цивилизации. Последние были во многом следствием мощного воздействия природы на облик и сущность складывавшегося человеческого сообщества.

Судьбе было угодно распорядиться так, что наши далекие предки во времена Великого переселения народов предпочли не участвовать в кровавых схватках за «место под солнцем», а ушли в необжитые человеком места и буквально с «чистого листа» строили свою цивилизацию, строили свой общий дом. Будущие европейцы находились в гораздо лучшем положении. Они могли опираться на наследие разбитого ими античного мира в градостроительстве, архитектуре, в различных областях культуры. Наши предки «строили себя сами» в чистом поле и лесной глуши. Недаром С.М. Соловьев писал, что если для народов Западной Европы природа была матерью, то для народов Руси-России — мачехой [9, с. 27]. Будущая Русь оказалась в далеком «медвежьем углу» с суровым климатом и скудными природными богатствами [10, с. 99].

Удивительно, что Русь смогла не просто выжить в столь тяжелых природно-географических и климатических условиях, но и создать мощное государство. К тому же она была обременена необъятными просторами, в которых легко раствориться и бесследно исчезнуть. Думается, что подобная участь ждала бы наших западноевропейских соседей, избалованных мягким климатом, плодородными почвами, обласканных солнцем и морским ветром, живших в пространствах, разделенных горными хребтами, что затрудняло экспансию агрессивных соседей и одновременно разъединяло формировавшиеся в Западной Европе государства.

Русь, в отличие от Западной Европы, располагалась на огромной равнине, и этот географический фактор оказал соответствующее, во многом отличное от Западной Европы, влияние. Об однообразии природных форм и как вытекающем отсюда следствии — однообразии в обычаях, нравах, верованиях писал С.М. Соловьев, что имело богатое преимущество. Во-первых, исключались враждебные столкновения; во-вторых, «одинакие потребности указывают одинакие средства к их удовлетворению». В-третьих, обширная равнина рано или поздно превращалась в область одного государства с крепкой взаимосвязью ее однообразных частей [9, с. 56].

Очень важное и глубокое наблюдение С.М. Соловьева о том, что природно-географический фактор придавал Руси цельность и обеспечивал формирование единства ее племен и народностей, исключая насилие в его достижении. Отсюда российская цивилизация складывалась естественно и мирно со своеобразными отношениями между людьми на началах естественной схожести их жизненных устоев.

Итак, русская цивилизация в суровых природно-географических условиях складывалась органично, естественно и мирно. Все трудности преодолевались тяжким трудом земледельцев. Русская земля буквально пропитана кровью сорванных мозолей рук и потом натужного труда, который на века сформировал качества и свойства характера, присущие русскому человеку. Об этом писал В.О. Ключевский, рассказывая нам о психологии великоросса. Тот дорожил коротким летним рабочим днем, спешил, работал напряженно, лихорадочно и споро. «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс...» [11, с. 223]. Неритмичность труда В.О. Ключевский относит к недостаткам русского характера. Однако способность русских к максимальному напряжению сил оборачивалась победами на поле боя. Русский характер умел стойко переносить все тяготы, невзгоды, лишения, жертвы воинской службы, поражал своей выносливостью, упорством и отвагой, которые выковала жизнь и труд крестьян в суровых природных условиях.

Русские с глубоким сердечным чувством ощущали живительную связь с природой и не просто сопричастности к ней, а слитности с «нерукотворным миром», чья гармония, величие и красота вызвали благоговение и восхищение. Крестьяне относились к земле как к святыне. Примечательно, что это крестьянское отношение к земле нашло отражение в творчестве Ф.М. Достоевского и других русских писателей. В «Дневнике писателя» Федор Михайлович верно заметил, что в том характере, в каком сложилось землевладение, в таком сформировалось и все остальное: свобода, жизнь, честь, семья, церковь, словом, весь характер нации [12, с. 416–417]. Отношение к земле — фундамент религиозных чувств. Федор Михайлович подчеркивает: «Наш атеизм есть только разъединение с народом, оторванность от земли. Если бы вы сидели на земле и ее обрабатывали, вы бы верили в Бога» [13, с. 553]. Земля — мать религиозных чувств народа.

Об отношении лучшей части российской интеллигенции к земле можно судить по стихам В. Соловьева:

Земля-ладычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.
В полуденных лучах такую негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,

И блеску тихому несли привет певучий
 И вольная река, и многошумный лес.
 И в явном таинстве вновь вижу сочетание
 Земной души со светом неземным,
 И от огня любви житейское страданье
 Уносится, как мимолетный дым.

Май 1886 г. [14, с. 55].

У В. Соловьева земля — сакральное существо, дарующее жизнь, очищающее душу человека, зовущее к небесному, к Богу.

Л.Н. Толстой буквально боготворил землю и крестьянский труд. Большую часть жизни Лев Николаевич прожил на природе, крестьянствовал: пахал, косил, разводил пчел, сады, строил крестьянскую избу, клал в ней печь, любил гулять по окрестностям и любоваться природой, которая его умиротворяла и питала творческие силы. Подобное отношение к земле во многом относится к духовной жизни русских крестьян, а значит, большинства населения.

Для русского крестьянина было абсолютной истиной, что земля милосердна к тем, кто возделывает ее, но даже при предельных затратах труда нельзя было предугадать урожай, все в воле Божией... Суровая действительность приучала к смирению, трудолюбию, терпению, которые буквально переплетались с христианскими заповедями, формировали характер земледельцев, живших в тяжелых природно-климатических условиях. Большинство отечественных и зарубежных мыслителей отмечают такую черту русских, как религиозность. Ее истоки лежат в труде земледельцев, в суровом климате и малоплодородных почвах. Ф. Степун писал, что русский мужик не чувствовал себя хозяином жизни, почитая настоящим хозяином своей жизни Бога. Отсюда «основное религиозное чувство мужика, чувство реального, ежедневного сотрудничества с Богом, с живою душой земли...» [15, с. 216].

276

Вера в Бога сочеталась с верой в живую силу природы, которую создал Творец, и она божественна по происхождению и требует особого отношения к ней на уровне религиозного почитания. Так, в сознании крестьян земное сочеталось с небесным, и вера в Бога была для них естественной и необходимой.

Отмечается и такая особенность русской души, которую также увязывают с природно-географическими факторами: противоречивость. Об этом ярко и убедительно сказал Н. Бердяев. Противоречивость и сложность русской души он связывал с двумя потоками мировой истории, которые пересеклись в России. Россия — это огромный Востоко-Запад, где необъятность и бесконечность русской земли обусловили широту русской души [16, с. 190]. Только в огромной стране с огромным народом могла появиться великая русская духовная культура. «Великая русская литература могла возникнуть лишь у многочисленного народа, живущего на огромной земле» [там же, с. 373]. Отсюда и вселенский дух русского народа, столь прозорливо угаданный Ф.М. Достоевским.

Замечательны слова Н. Бердяева о душе России, которая не склонилась «перед золотым тельцом, и уже за одно это можно любить ее бесконечно. Россия дорога и любима в самых своих чудовищных противоречиях, в загадочной своей антиномичности, в своей таинственной стихийности» [17, с. 22]. Прав ли Н. Бердяев? Если

учесть, что в 1990-е годы россиян так и не принудили поклоняться культу денег и наживы, то прав.

Философ И. Ильин писал о том, что народ, обитающий веками в суровом климате, вынужденный жить скромно и экономно, неизбежно восприимчив к созерцанию, к вере, смирению и терпению, к мечтательности, поиску красоты в слове, красках и напевах. Русский характер изначально предстает не как что-то монотонное и закостенелое, а, наоборот, предельно гибкое, податливое ковке, разнообразию [18, с. 107, 193–194, 268].

Философ подчеркивает, что русская душа кардинально отличается от европейской, которой постоянно угрожает декаданс вечно-мужественного начала с его формализмом, заорганизованностью, чрезмерной трезвостью, рациональностью и безверием. Он считает, что «западноевропейская культура сооружена как бы из *камня и льда*», а религия, искусство и наука лишь за некоторыми исключениями холодны, формальны и жестки, т. к. здесь нет любви, ибо она «мешает уму и воле; а культура считается именно делом воли и ума» [19, с. 301]. Этим объясняется высокомерное отношение европейцев к варварам-русским, чуждым подлинной культуры, что в конечном итоге воплощается в русофобии, невиданный размах которой на Западе Россия переживает в настоящие дни.

Выдающийся философ С.Л. Франк (1877–1950) суть русского мышления связывал со свойственным ему стремлением отыскать высшие ценности, наполняющие жизнь высоким смыслом. В этом заключается его отличие от западноевропейского мышления. Другая характерная черта — крайний как позитивный, так и негативный максимализм. «Русский дух не знает середины: либо все, либо ничего — вот его девиз. Либо русский обладает истинным «страхом Божиим», истинной религиозностью, просветленностью — и тогда он временами открывает истины удивительной глубины, чистоты и святости; либо он чистый нигилист, ничего не ценит, не верит больше ни во что, считает, что все дозволено, и в этом случае часто готов к ужасающим злодеяниям и гнусностям» [20, с. 184]. Особенностью нашего мировоззрения, по мнению С.Л. Франка, является его ориентированность «на улучшение мира, мировое благо и никогда — лишь на одно понимание мира» [там же, с. 182]. Русский дух стремился к истине не как чистой идее, но той, что отражает основы жизни и бытия человека.

Англичанин С. Грахам, исходивший пешком буквально всю Россию, хорошо знакомый с жизнью крестьян, писал, что если с англичанином разговор завершается всегда беседой о спорте, а с французом о женщинах, то с русским он завершится беседой о судьбе России, если это представитель образованного общества, а если крестьянин — то обязательно о Боге и религии. М. Уоллес в своем объемном и добротном труде «Традиции и быт России глазами иностранца», путешествуя на пароходе, вспоминал, что большинство пассажиров, русские крестьяне, всегда охотно рассказывают незнакомцу о своей жизни. В таких беседах путешественник всякий раз убеждался, что «крестьянин при полуфаталистическом смирении отличается добродушием, простым здравым смыслом и не чужд стремления узнать что-либо о чужих странах; вследствие этого он не только рассказывает свое, но и ставит вопросы, которые, хотя и кажутся иногда детскими, но большею частью попадают в цель» [21, с. 285]. Подобная распахнутость и отзывчивость русской души играла

важную роль в колонизации новых земель, когда к коренным народам относились не с позиции новых хозяев, а с дружелюбием и расположением.

Суть русской идеи — во всеединстве человечества. Многие мыслители разных поколений и разных стран писали о загадке и тайне русской души. Однако душа каждого народа полна загадок и тайн, и в этом отношении загадка русской души — не исключение, а правило.

Сущностной чертой русского характера является коллективизм, который складывался в силу жесткой необходимости в коллективном труде в суровых природно-климатических условиях. Другой важной причиной коллективизма являлась задача выживания, которую Русь-Россия решала столетиями. В русском государстве формировался своеобразный режим выживания. Академик Л.В. Милов связывает с ним особенности становления российской государственности, социальных отношений, экономической политики, утверждения крепостничества и др. [22].

Фундаментом решения проблемы выживания была крестьянская община — самое устойчивое социально-экономическое образование в истории России. Она обеспечивала единство Руси жизненным укладом крестьян, характером труда и земельной собственностью. Крестьянская община на протяжении тысячи лет истории России воплощала собой ресурс защиты крестьянского хозяйства от множества житейских коллизий, разорения, нищеты и гибели крестьянской семьи. «Община не только спасала миллионы крестьян от пауперизации, она в значительной мере содействовала сохранению генофонда русского населения (впрочем, не только русского, но и других народов России)» [там же, с. 556].

Известно, что социальные и производственные отношения строились не на частной, а на общинной, коллективной собственности. Отсюда такая особенность российской цивилизации, как отсутствие сколь-нибудь крепких традиций частной собственности на землю. Общинные традиции и общинная психология оказали серьезное влияние на последующее развитие социально-экономических отношений в России. Их влияние давало о себе знать и в период капиталистического развития страны, когда «на земле», в народной толще продолжали действовать тысячелетние традиции солидарности, товарищества, коллективной собственности. Это выразилось в народном кооперативном движении, которое было родом из общинных устоев.

Разница капиталистической модернизации Запада и российского варианта заключалась в том, что российский капитализм имел под собой глубокий, идущий из народной жизни фундамент в виде широкого развития кооперативного движения, которое являлось формой самоорганизации масс как ответ на вызовы того времени. Этот своеобразный «народный капитализм» формировался на проверенных веками традициях общинности и взаимопомощи.

Если на Западе формирование первоначального капитала шло за счет безудержного грабежа колоний и жестокой эксплуатации собственного населения, то в России на «приземленном уровне» капиталы аккумулировались самим населением, естественным и безболезненным путем. Привычный жизненный уклад не ломался, не уходила в небытие духовность, столь характерная для русского человека.

Поражают масштабы кооперативного движения. Так, количество первичных кооперативов к концу 1917 г. насчитывало 64,4 тысяч с 23,7 миллионами членов, что вместе с семьями составляло 2/3 всего самостоятельного населения [23, с. 103]. К 1917 г. по ко-

личеству вовлеченного в кооперативное движение населения Россия вышла на первое место в мире. Почему это стало возможным в столь короткие исторические сроки? Ответ прост. Эти процессы не противоречили русскому национальному характеру, в кооперативном движении участвовали широкие народные массы: рабочие, мелкие крестьянские хозяйства, представители земств и других органов местного управления, крупные ученые-экономисты.

Одной из главных особенностей становления российской цивилизации был колониционный разлив населения Руси по необъятным просторам Евразии, что во многом связано с природно-климатическим фактором. Плодородие почв и скудная урожайность исконной Руси не давали возможности «прокормить» возрастающую численность населения. В связи с этим его значительная часть была вынуждена спасаться от нищеты и голода в поисках новых земель. Отток населения Руси в неизведанные среды обитания был продиктован жесткой необходимостью выживания. Поэтому остро нуждавшиеся в расширении жизненно необходимого пространства русские люди шли на юг, юго-восток и восток и в необжитых местах искали лучшую долю.

Есть принципиальное отличие русской колонизации новых земель от западноевропейской. Если русские люди приходили на новые территории, чтобы жить собственным трудом, то западноевропейцы вторгались в новые земли, чтобы грабить, убивать и покорять их население. Западные европейцы стирали с лица земли чуждые им этносы, народности, культуры. Русские, напротив, расселяясь среди других народов, устанавливали с ними добрососедские отношения и сохраняли их для самостоятельной исторической жизни. Два мира — два отношения к нему, причем диаметрально противоположные.

Многонациональность Руси-России складывалась и развивалась веками на началах добрососедства, сотрудничества и равноправия. Русь-Россия всегда отличалась многообразием национальных культур, обычаев, жизненных укладов. Вновь присоединенные территории сохраняли особенности своей культуры, социальной структуры и хозяйственного уклада, что обеспечивалось соответствующими государственными актами. Эти акты подтверждали за различными слоями и сословиями нового русского региона их прежние права и привилегии, закрепляли их сельскохозяйственные, промысловые и иные угодья. Особенности культуры, экономики региона оставались неприкосновенными. Подобные грамоты уже в XVI в. были характерны для политики Московского царства в отношении инородцев. Так, в апреле 1525 г. такая грамота была дана ненцам, жившим на Оби, а затем подобные грамоты широко практиковались в Московской Руси [24, с. 10].

Складывалось уникальное в истории содружество различных народностей и наций во многом благодаря распахнутости русской души, отсутствия у русских чувства собственного превосходства, кичливости и чванства, благодаря христианской вере, любви к ближнему, что заповедовал Господь Бог. Этой заповеди старались придерживаться и в отношениях с новыми инородными соседями.

Освоение русскими бескрайних просторов Зауралья, Сибири и Дальнего Востока относится к числу выдающихся исторических подвигов. Если Великие географические открытия западноевропейцев связаны в основном с подвигами мореплавателей, то открытие новых пространств Евразии осуществлялось землепроходцами. Этот всемирно-исторический подвиг осуществляли люди, олицетворявшие российское

подвижничество, отвагу и удаль, вместе с тем величайшее терпение и жертвенность в преодолении невзгод необжитых краев. Горстка людей противоборствовала с суровой природой и отвоевывала у нее места для человеческого обитания. Благодаря этому подвижничеству Россия набиралась новых сил в прокладывании торговых путей, добычи редких природных ископаемых, торговли новыми видами товаров и успешно преодолевала издержки своего весьма скудного экономического базиса.

Без преувеличений можно сказать, что имена русских первопроходцев Ермака, Хабарова, Атласова стоят в одном ряду с европейскими первооткрывателями новых континентов Колумбом, Магелланом, Куком и др. Имена русских первопроходцев и их подвиг во славу Отечества — своеобразная визитная карточка российской цивилизации.

Большинство ученых, занимающихся проблемами цивилизаций, полагают, что характер, суть и особенности той или иной цивилизации во многом воплощаются в культуре, причем стержнем любой культуры является язык, на котором говорят, размышляют, мечтают, пишут ее представители. О творческом потенциале тех или иных народов судят не по силе их имперских амбиций, а по языку, который они создали в ходе своего исторического бытия.

Русь-Россия поражает, прежде всего, тем, что на ее огромных равнинах средством межличностного общения был русский язык. Такого языкового единства Европа не знала. Так, в XII в. в крошечном немецком Нюрнберге жители соседних улиц в силу языковых барьеров практически не понимали друг друга. Такова была цена европейской замкнутости и равнодушия друг к другу. На Руси дела обстояли иначе. Русская душевная распахнутость, стремление к добрососедству, товариществу, а главное, к общению сыграли решающую роль в укоренении русского языка на огромных пространствах. Русский язык стал мощной силой, объединяющей разноплеменную Русь, и важнейшим фактором создания единого централизованного русского государства.

Любой язык хранит следы истории народа, отражает его судьбу, хранит ковавшиеся веками базисные цивилизационные ценности. Язык выражает и характер народа, создавшего его. И.А. Гончаров писал: «Язык не есть только говор, речь: язык есть образ всего внутреннего человека: его ума, того, что называют сердцем, он выразитель воспитания, всех сил внутренних и нравственных. <...> Он тоже для человека, что и родной воздух!» [25, с. 166].

Проникновенны стихи К. Бальмонта о русском языке.

Язык, великолепный наш язык.
 Речное и степное в нем раздолье,
 В нем клетоты орла и волчий рык,
 Напев и звон, и ладан богомолья.
 В нем воркованье голубя весной,
 Взлет жаворонка к солнцу — выше, выше.
 Березовая роща. Свет сквозной.
 Небесный дождь, просыпанный по крыше... [26].

А.И. Куприн подчеркивал, язык — это путь цивилизации и культуры. Н.М. Карамзин писал: «Да будет же честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своем, почти без всякого чуждого примеса, течет как гордая, величественная река —

шумит, гремит — и вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса!» [25, с. 60].

Достаточно острой является проблема истоков русской культуры. Одни ученые ищут их в язычестве и в Древней Руси, другие связывают их с петровскими преобразованиями и европеизацией России. Замечательный философ Иван Александрович Ильин утверждал, что начало русской культуры положило религиозное восприятие нашими предками окружающего мира. Религия, считает И.А. Ильин, есть состояние души, которое конкретно во времени и разнится у разных народов. Именно «состояние души», воспитанное религией в конечном итоге определяет суть и характер культуры народа.

Иван Александрович считал, что русское художественное восприятие мира питается четырьмя основными источниками. Первый — необозримые просторы русской земли, завораживающие широтой горизонтов, будящие «мечтательное созерцание». У колыбели русского искусства стояла русская природа, придавшая ему неповторимый колорит, определявшая его мотивы, содержание и формы.

Ко второму источнику русской культуры И.А. Ильин относил пылкую, эмоциональную славянскую душу, которая порой выплескивалась через край. В то же время необъятность русских равнин с их покоем и красотой умиротворяли человека, настраивали его на «миролюбиво-добродушный лад». Русское добродушие и стремление к миролюбию стали основой для формирования многонациональной России, сплочения ее народной тягой к взаимопомощи и поддержке.

Третий источник — «исторически сложившееся многообразие этносов», впоследствии слившихся в единство «надивидуального», создавшего условия для государственного объединения, столь необходимого для разноплеменной Руси. Искусство, культура, рожденные полиэтнической Русью, превращались в мощный консолидирующий символ духовного родства разных этносов.

Четвертым источником русской культуры стала христианская религия «во всем ее греко-православном своеобразии». Начало русскому искусству положила иконопись, которая давала возможность раскрыть вечное в образе человека, «святого — в чувственном, небесного — в земном, ноумена — в феномене; самого важного, глубинного, сущностного в мире и жизни — в единичном и созерцаемом материале природы» [27, с. 46–49].

Это творческое созерцание переросло в традицию, русская живопись остается религиозно-чувственной и медитирующей даже тогда, когда трактует общемирские темы. Эти святые родники питают и русскую музыку, которая льется из поющего сердца. Дух святости отразился и в других видах искусства, в том числе и литературе. Русский народ хотел получить от искусства не трезво-рассудочную мысль, а «мудрость жизни и мудрость мира». Недаром все крупные философские вопросы в России поставлены, прежде всего, русской литературой: добра и зла, смысла жизни и ее восприятия в народной толще противоречий и конфликтов религиозного и мирского, сложности духовных исканий интеллигенции, идущего от сердца патриотизма и др. Высокой духовностью насыщены произведения Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, нобелевских лауреатов И.А. Бунина и М.А. Шолохова.

Примечательно, что традиции духовности не утратила советская литература. Примером тому служит творчество Л.М. Леонова, который в замечательном романе «Русский лес» поставил фундаментальные проблемы взаимоотношений человека с природой,

ответственности человека перед творением Бога — природой, нравственности и силы духа в отстаивании не господства над природой, а служения ей как единственной и животворящей среды обитания.

Наш современник академик Д.С. Лихачев подчеркивал, что отношения природы и человека — это отношения двух культур, которые являются результатом исторического развития. «Одна культура (культура природы) может существовать без другой (человеческой), а другая (человеческая) не может» [28, с. 490–491]. Исключительной важности имеет факт, отмеченный Дмитрием Сергеевичем, что личность как таковая появляется в русской литературе только в произведениях XVII века [29, с. 7–9, 155–161].

Разумеется, этот вывод маститого исследователя древнерусской культуры не характеризует нашу средневековую культуру как «безличностную». Яркие герои, безусловно, присутствовали в историческом нарративе, но понятие личности в ее индивидуализированном мирозерцании на Руси-России не прижилось. Личностное и индивидуальное на Руси-России все же склонно растворяться в социуме. Стремление к всеобщему и универсальному или соборное начало убедительно прослеживается как в мировосприятии окружающего мира, так и в общинном общежитии с его традициями народовластия, унаследованными от вече и воплотившихся позже в Земских соборах, земских избах и городских собраниях, институте земства и кооперации. Крепкие горизонтальные связи в обществе сочетались с сильной централизованной вертикалью власти, что даже символически напоминает крест. Поэтому институционализированную политическую общность России как страны-цивилизации можно охарактеризовать как соборную монархию.

Спецификой русской цивилизации было и отсутствие главного принципа феодализма, который раздробил и продолжает дробить Европу. Некоторые исследователи определяют его как принцип мещанства по своему содержанию [30, с. 28–29]. Речь идет об отсутствии на Руси-России вассально-ленной системы взаимоотношений сословий и суверенных прав всякого крупного землевладельца. В отличие от феодального договорного государства Европы в Московском государстве в конце XV–XVI вв. формируется иное, служилое государство, где сословия (и дворянство, и крестьянство, и население посада) не только служили государству, но в полной мере от него зависели. Вместо идеологии индивидуализма и утилитаризма развивается идеология служения в сознании населения, связанная с добровольным исполнением обязанностей по отношению к государству и Отечеству. При Иване III договорные отношения заменяются подданныческими. Служилый принцип становится основным в формировании политической элиты, подтверждением чему является реформированная система местничества, прописанная иерархия государственных должностей. Исконный порядок на Руси устанавливал, что по земле все подчинялись только государству и потому считались свободными членами русского общества. С точки зрения личных прав крестьянство составляло одно целое, община — главный представитель общинного быта применительно не только к раннему периоду, но и ко временам Судебника 1497 г.

Россия как страна-цивилизация в отличие от Европы не проходила и ряд этапов в своем развитии, что тоже составляет ее отличительную характеристику. Так, например, эпоху Возрождения и эпоху Реформации знает в своей истории только Европа. Эпоха Возрождения показала миру не только титанов величайших творений, но воспела идею антропоцентризма, человекобожия как гипертрофированную идею личности.

Добродетели индивидуализма, рационализма и прагматизма были возведены в главную величину бесконечного самоутверждения и самолюбования личности. Обратной стороной титанизма, как утверждают исследования выдающегося ученого А.Ф. Лосева, стала какая-то дикая, сладострастная и звериная эстетика, совершенно противоположная гуманизму и неоплатонизму, но она же обладала всеми чертами самодовлеющей значимости [31].

Общество Ренессанса опустилось в пучину симфонии коррупции, аморализма и преступности, невероятной мстительности и жестокости, убийства из-за угла и вероломства, неистовой ярости и авантюризма. Казни, пытки, убийства, изгнания, погромы, грабежи и поджоги непрерывно сменяли друг друга, а победители заговоров становились в недалеком будущем жертвой новых победителей, по своей жестокости превзошедших варваров. Развитие института беспощадной инквизиции, безграничный разгул страстей и пороков стали символами великой эпохи Возрождения. Патернализм самодержавной государственной власти на Руси-России и духовное окормление подданных со стороны православной церкви не имело ничего общего с тем, что творилось в эти века в Европе.

Последующая за Ренессансом эпоха Реформации усугубила духовную разобщенность в обществе, церкви и государстве, ознаменовав эру разрушения цельности миропонимания, целеполагания, жизненных смыслов и ориентиров. Раскол или обновление в религиозной традиции несла с собой новая традиция, продолжая утверждать добродетели рационализма и индивидуализма как основы мировоззренческой картины человека западноевропейского гражданского общества. Междоусобная вражда, распри, войны, истребление органично уживались с зарождающимися демократическими традициями, институтами и ценностями, ставшими фундаментом современной западной цивилизации.

Почему Россия миновала те или иные эпохи, которые проходила Европа? Ответ вряд ли лежит в плоскости «догоняющего» развития вторичной цивилизации. Дело более сложное и касается глубоких мировоззренческих оснований, вновь адресует к исследованию культурно-исторического кода и исторического наследия таких разных цивилизаций, как Европа и Россия.

Советская эпоха в контексте развития русской цивилизации стала реальной альтернативой идеологии эгоизма и индивидуализма, ввергнувшего западную цивилизацию в глубокий кризис человечества. Не случайно автор многочисленных работ, получивших мировое признание, немецкий философ и социолог Юрген Хабермас считал события августа 1991 года финалом концепции развития, выработанной немецкой классической философией [32, с. 7].

Проблема альтернативного развития получает свое конкретное разрешение на примере истории русской цивилизации от Древней Руси — Московского царства — Российской империи — Советского Союза — современной России, показывая, что исторический процесс многомерен, сложен и нелинеен. Дискретность и непрерывность исторического процесса — интереснейший феномен, который необходимо осмыслить в поисках путей консолидации и развития общества без расколов и «великих потрясений». Советский опыт в пространстве развития русской цивилизации свидетельствовал о преемственности установок целеполагания в менталитете русского человека, во главе угла поставившего преданность, жертвенность, коллективизм, уважение к должности

и статусу, соблюдение правил и законов. Мобилизационная советская экономика, общество и политическая система, как когда-то в прошлом, в эпоху Ивана III и Ивана Грозного, была спаяна единой идеологией. Сильная централизованная государственная власть первоочередной задачей рассматривала развитие национальной модели образования, просвещения и воспитания. Богатое наследие великих деятелей советской эпохи, связанное с именами М.А. Шолохова и В.Г. Распутина, А.И. Солженицына и А.А. Тарковского, В.М. Шукшина и С.Ф. Бондарчука, В.И. Белова и А.Ф. Лосева, С.С. Прокофьева и Д.Д. Шостаковича, Г.В. Свиридова и Э.Н. Артемьева, Э.В. Ильенкова и А.А. Зиновьева и многих других легендарных наших соотечественников, обращало к истокам и корням, питавшим русскую цивилизацию.

Итак, русская цивилизация — это целостная общность людей, объединенных ценностями православия, консолидированных схожими представлениями о жизненных смыслах и роли человека в обществе и мире, органично вписанных в традиции своего языка и культуры, исповедующих и отстаивающих собственные духовные ценности, выкованные веками совместной жизни и межнационального общения, что и определяет внутреннюю логику политико-экономического и социокультурного развития Руси-России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пленарное заседание Всемирного русского народного собора. Выступление Президента России [Plenary Session of the World Russian People's Council. Speech by the President of Russia]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/3> (дата обращения: 28.11.2023).
2. Спиридонова, В., Соколова, Р., Шевченко, В. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: Институт философии РАН, 2016. 122 с.
3. Флоря, Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб.: Алетейя, 2004. 224 с.
4. Лазарев, В.Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1986. 332 с.
5. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство // Избранное. М., 1993. С. 19–118.
6. Хомяков, А.С. Мнение иностранцев о России // Всемирная задача России / сост. и коммент. М.М. Панфилова, отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 549–574.
7. Соловьев, В.С. Русская идея // Русская идея: антология / сост. и автор вступ. ст. М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 185–204.
8. Дмитриев, М.В. Кирилло-мефодиевская традиция и конфликт конфессионального и этнического в исторической памяти Руси и России // Новое прошлое. 2018. № 1. С. 48–62.
9. Соловьев, С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2 / коммент. В.Т. Пашуто, В.С. Шульгина. М.: Мысль, 1988. 798 с.
10. Левандовский, А.А. Сибирь из нас не “вытянешь”... // Родина. 1995. № 2.
11. Ключевский, В.О. Курс русской истории. М.: Яуза-пресс, 2018. 1152 с.
12. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя. 1876 г. Июль — август. Земля и дети // Дневник писателя: авторский сборник. СПб.: Азбука; М.: Азбука-Аттикус, 2021. С. 413–417.
13. Неизданный Достоевский: записные книжки и тетради 1860–1881. Литературное наследство. Т. 83 / ред. И.С. Зильбернштейн и Л.М. Розенблюм. М.: Наука, 1971. 728 с.
14. Соловьев, В.С. Мчи меня, память. М.: Комсомольская правда, 2013. 238 с.
15. Степун, Ф.А. Мысли о России // Сочинения. М.: Росспэн, 2000. С. 201–376.

16. Бердяев, Н.А. Русская идея // Смысл истории. Русская идея. Самопознание: философские труды. СПб.: Азбука; М.: Азбука-Аттикус, 2022. С. 187–404.
17. Бердяев, Н.А. Душа России // Судьба России: книга статей. М.: ЛитРес, 2007. С. 9–23.
18. Ильин, И.А. Поющее сердце: книга тихих созерцаний. М.: Дар, 2020. 319 с.
19. Ильин, И.А. Пути России. М.: Вагриус, 2007. 508 с.
20. Франк, С.Л. Русское мировоззрение // Русское мировоззрение: сборник / пер. с нем. Г. Франко. СПб.: Наука, 1996. С. 161–195.
21. Киселев, А.Ф. У всякого народа есть родина, но только у нас — Россия. М.: Логос, 2019. 364 с.
22. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2006. 566 с.
23. Лубков, А.В. Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907–1914). М.: МПГУ, 2019. 272 с.
24. Вдовин, А.И., Зорин, В.Ю., Никонов, А.В. Русский народ в национальной политике XX в. Кунгур: Кунгурский печ. двор ПГФ, 2007. 388 с.
25. Русские писатели о языке: хрестоматия / авт.-сост. Е.М. Виноградова и др., под ред. Н.А. Николиной. М.: Просвещение, 2004. 272 с.
26. Бальмонт, К. Русский язык. URL: <https://www.culture.ru/poems/31549/russkii-yazyk> (дата обращения: 11.11.2023).
27. Киселев, А.Ф. Увидеть Россию заново. Многоликая Россия. М.: Дрофа, 2010. 591 с.
28. Лихачев, Д.С. О русской природе // Мысли о жизни. Письма о добром. Статьи, заметки. СПб.: Азбука; М.: Азбука-Аттикус, 2021. С. 489–495.
29. Лихачев, Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 2006. 202 с.
30. Солоневич, И.Л. Народная монархия / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.
31. Лосев, А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Культура: Академический проект, 2017. 646 с.
32. Лубков, А.В. Личность. Время. Образование: статьи и выступления. М.: МПГУ, 2017. 320 с.

REFERENCES

285

1. *Plenarnoe zasedanie Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora. Vystuplenie Prezidenta Rossii* [Plenary Session of the World Russian People's Council. Speech by the President of Russia]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/3> (accessed: 28.11.2023). (in Russ.)
2. Spiridonova, V., Sokolova, R., Shevchenko, V. *Rossiya kak gosudarstvo-civilizaciya: filosofsko-politicheskij analiz* [Russia as a State-Civilization: Philosophical and Political Analysis]. Moscow, Institut filosofii Rossijskoj akademii nauk, 2016, 122 p. (in Russ.)
3. Florya, B.N. *U istokov religioznogo raskola slavyanskogo mira (XIII v.)* [At the Origins of the Religious Schism of the Slavic world (XIII Century)]. St. Petersburg, Aletejya, 2004, 224 p. (in Russ.)
4. Lazarev, V.N. *Istoriya vizantijskoj zhivopisi* [The History of Byzantine Painting]. Moscow, Iskusstvo, 1986, 332 p. (in Russ.)
5. Leontev, K.N. *Vizantizm i slavyanstvo* [Byzantism and Slavism]. In: *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, 1993, pp. 19–118. (in Russ.)
6. Homjakov, A.S. *Mnenie inostrancev o Rossii* [The Opinion of Foreigners about Russia]. In: *Vsemirnaya zadacha Rossii* [The World Task of Russia], ed. by O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 2011, pp. 549–574. (in Russ.)

7. Solovev, V.S. Russkaya ideya [Russkaya Idea]. In: *Russkaya ideya: antologiya* [Russkaya Idea: Anthology], comp. M.A. Maslin. Moscow, Respublika, 1992, pp. 185–204. (in Russ.)
8. Dmitriev, M.V. Kirillo-mefodievskaya tradiciya i konflikt konfessionalnogo i etnicheskogo v istoricheskoy pamyati Rusi i Rossii [The Cyril and Methodius Tradition and the Conflict of Confessional and Ethnic in the Historical Memory of Russia and Russia], *Novoe proshloe* = New Past, 2018, No. 1, pp. 48–62. (in Russ.)
9. Solovev, S.M. *Sochineniya: v 18 kn. Kn. 1. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 1–2* [Writings: in 18 Books. Book 1. History of Russia since Ancient Times, vol. 1–2], comment. V.T. Pashuto, V.S. Shulgina. Moscow, Mysl, 1988, 798 p. (in Russ.)
10. Levandovskij, A.A. Sibir iz nas ne “vytyanesh”... [Siberia Cannot Be “Pulled Out” of Us...], *Rodina* = Homeland, 1995, No. 2. (in Russ.)
11. Klyuchevskij, V.O. *Kurs russkoj istorii* [Course of Russian History]. Moscow, Yauza-press, 2018, 1152 p. (in Russ.)
12. Dostoevskij, F.M. Dnevnik pisatelya. 1876 g. Iyul — avgust. Zemlya i deti [The Writer’s Diary. 1876 July — August. Land and Children]. In: *Dnevnik pisatelya* [The Writer’s Diary: An Author’s Collection]. St. Petersburg, Azbuka, Moscow, Azbuka-Attikus, 2021, pp. 413–417. (in Russ.)
13. *Neizdannyy Dostoevskij: zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881. Literaturnoe nasledstvo. T. 83* [Unpublished Dostoevsky: Notebooks and Notebooks 1860–1881. Literary Heritage, vol. 83], ed. by I.S. Silberstein and L.M. Rosenblum. Moscow, Nauka, 1971, 728 p. (in Russ.)
14. Solovev, V.S. *Mchi menya, pamyat* [Take Me Away, Memory]. Moscow, Komsomolskaya pravda, 2013, 238 p. (in Russ.)
15. Stepun, F.A. Mysli o Rossii [Thoughts about Russia]. In: *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Rosspen, 2000, pp. 201–376. (in Russ.)
16. Berdyaev, N.A. Russkaya ideya [Russian Idea]. In: *Smysl istorii. Russkaya ideya. Samopoznanie: filosofskie trudy* [The Meaning of History. The Russian Idea. Self-Knowledge: Philosophical Works]. St. Petersburg, Azbuka, Moscow, Azbuka-Attikus, 2022, pp. 187–404. (in Russ.)
17. Berdyaev, N.A. Dusha Rossii [Soul of Russia]. In: *Sudba Rossii: kniga statej* [Fate of Russia: The Book of Articles]. Moscow, LitRes, 2007, pp. 9–23. (in Russ.)
18. Ilin, I.A. *Poyushchee serdce: kniga tihih sozercanij* [The Singing Heart: The Book of Quiet Contemplations]. Moscow, Dar, 2020, 319 p. (in Russ.)
19. Ilin, I.A. *Puti Rossii* [The Ways of Russia]. Moscow, Vagrius, 2007, 508 p. (in Russ.)
20. Frank, S.L. Russkoe mirovozzrenie [Russian Worldview]. In: *Russkoe mirovozzrenie* [Russian Worldview: A Collection]. St. Petersburg, Nauka, 1996, pp. 161–195. (in Russ.)
21. Kiselev, A.F. *U vsyakogo naroda est rodina, no tolko u nas — Rossiya* [Every Nation Has a Homeland, but Only We Have Russia]. Moscow, Logos, 2019, 364 p. (in Russ.)
22. Milov, L.V. *Velikorusskij pahar i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa* [The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. Moscow, Rosspen, 2006, 566 p. (in Russ.)
23. Lubkov, A.V. *Solidarnaya ekonomika. Kooperativnaya modernizaciya Rossii (1907–1914)* [Solidary Economics. Cooperative Modernization of Russia (1907–1914)]. Moscow, Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2019, 272 p. (in Russ.)
24. Vdovin, A.I., Zorin, V.Yu., Nikonov, A.V. *Russkij narod v nacionalnoj politike XX v.* [The Russian People in National Politics of the Twentieth Century]. Kungur, Kungurskij pechatnyj dvor PGF, 2007, 388 p. (in Russ.)

25. *Russkie pisateli o yazyke: hrestomatiya* [Russian Writers on Language: A Textbook], ed. by N.A. Nikolina. Moscow, Prosveshchenie, 2004, 272 p. (in Russ.)
26. Balmont, K. *Russkij yazyk* [Russian Language]. Available at: <https://www.culture.ru/poems/31549/russkii-yazyk> (accessed: 11.11.2023). (in Russ.)
27. Kiselev, A.F. *Uvidet Rossiyu zanovo. Mnogolikaya Rossiya* [To See Russia Anew. Multifaceted Russia]. Moscow, Drofa, 2010, 591 p. (in Russ.)
28. Lihachev, D.S. O russkoj prirode [About Russian nature]. In: *Mysli o zhizni. Pisma o dobrom. Stati, zametki* [Thoughts about Life. Letters about Kindness. Articles, Notes]. St. Petersburg, Azbuka, Moscow, Azbuka-Attikus, 2021, pp. 489–495. (in Russ.)
29. Lihachev, D.S. *Chelovek v literature Drevnej Rusi* [Man in the Literature of Ancient Russia]. Moscow, Nauka, 2006, 202 p. (in Russ.)
30. Solonevich, I.L. *Narodnaya monarhiya* [The People's Monarchy], ed. O. Platonov. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 2010, 624 p. (in Russ.)
31. Losev, A.F. *Eстетика Возрождения* [Aesthetics of Renaissance]. Moscow, Kultura, Akademicheskij proekt, 2017, 646 p. (in Russ.)
32. Lubkov, A.V. *Lichnost. Vremya. Obrazovanie: stati i vystupleniya* [Personality. Time. Education: Articles and Speeches]. Moscow, Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2017, 320 p. (in Russ.)

Киселев Александр Федотович, академик РАО, доктор исторических наук, профессор, председатель Попечительского совета, Московский педагогический государственный университет, ksovet@gmail.com

Alexander F. Kiselev, Academician, Russian Academy of Education, ScD in History, Professor, Chairman of the Trustee Board, Moscow Pedagogical State University, ksovet@gmail.com

Лубков Алексей Владимирович, академик РАО, доктор исторических наук, профессор, ректор, Московский педагогический государственный университет, av.lubkov@mpgu.su

Alexey V. Lubkov, Academician, Russian Academy of Education, ScD in History, Professor, Rector, Moscow Pedagogical State University, av.lubkov@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 22.12.2023. Принята к публикации 19.01.2024

The paper was submitted 22.12.2023. Accepted for publication 19.01.2024